

5. *Русские говоры Среднего Приобья* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1985. Ч. 1.

6. *Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья* / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1977.

7. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: В 3 т.* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1967. Т. 3.

8. *Среднеобский словарь: В 2 т.* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1983—1986. Ч. 2.

9. Янко-Триницкая Н. А. К изучению паронимов // *Русский язык в школе*. 1979. № 5.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Л. А. ХАЧАТУРОВА
Самаркандский пединститут

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЗООНИМОВ

Исследуется взаимодействие словообразования, теории номинации и речевой деятельности на материале русских зоонимов, выделяются словообразовательные разряды зоонимов.

Одним из неотъемлемых компонентов смысла слова, наряду с лексическим, словообразовательным и грамматическим значениями, является его внутренняя форма (ВФ), в которой выражается не только «толкование действительности», но и ее оценка [3].

Проблема ВФ слова рассматривалась в фундаментальных работах немецких лингвистов В. Гумбольдта и Г. Пауля, русского ученого А. А. Потебни и др.; нашла освещение в трудах советских лингвистов А. М. Пешковского, В. В. Виноградова; наблюдения, сообщения и выводы, касающиеся этого вопроса, содержатся в общих и специальных исследованиях Е. А. Земской, О. П. Ермаковой, О. И. Блиновой, Л. А. Новикова, А. И. Моисеева, Т. Р. Кияка, Б. А. Плотникова, В. Г. Гака¹.

Первая концепция ВФ принадлежит Гумбольдту [5]. Через сравнение разных языков, в которых, как правило, степень и характер мотивированности грамматических и лексических значений не совпадают, он приходит к раскрытию ВФ как способа отражения внешней действительности в формах языка. Гумбольдтовское учение о ВФ основывается на различии, во-первых, внешней и внутренней формы, под которыми имеются в виду звуковая и внутренняя формы не слова, а языка в целом, а также на различии не только ВФ языка в целом,

¹ Представление о ВФ слова как объекте исследования претерпело сложную эволюцию. Традиционное использование понятия ВФ слова восходит к античной философии (Платон, Плотин), философии арабского мира (VIII—XII вв.). Термин широко распространен в литературоведении.

раскрывающей его национальное своеобразие, но и ВФ языка как индивидуальной особенности, реализующейся в речи. По Гумбольдту, форму языка составляет то, что возвышает членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности [4]. Свообразие ВФ исследователь видит в способе обозначения понятий. При этом им выдвигается требование согласованности между элементами внутренней и звуковой форм языка: «Связь звуковой формы с внутренними языковыми законами придает завершенность языкам, и высшая ступень их завершенности знаменуется переходом этой связи, всегда возобновляющейся в одновременных актах языкотворческого духа, в их подлинное и чистое взаимопроникновение. <...> Этот процесс завершается, только когда весь строй звуковой формы прочно и мгновенно сливается с внутренним формообразованием. Благоприятным следствием этого является полная согласованность одного элемента с другим...» [4, с. 107]. Если исходить из такого понимания ВФ, то можно утверждать, что она не является нерасчленимой, т. е. не отрицать ее наличие в отдельных словах.

В исследованиях А. А. Потебни, посвященных ВФ, последовательно развивается и обогащается идея Гумбольдта. А. А. Потебня утверждал, что слово выражает не всю мысль, которая принимается за его содержание, а только лишь один ее признак: «Под словом *окно* мы разумеем обыкновенную раму со стеклами, тогда как, судя по сходству его со словом *око*, оно значит то, куда смотрят или куда проходит свет, и не заключает в себе никакого намека не только на раму и проч., но даже на понятие отверстия... Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета, и, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные» [12, с. 114—115].

Более широкое определение понятия ВФ А. А. Потебня дает в книге «Из записок по русской грамматике»: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней их формой, в отличие от внешней звуковой, иначе — способом представления внеязычного содержания» [11, с. 6]. Так, в слове *подснежник*, помимо прямого значения, мы находим представление о цветке, растущем под снегом. Сущность словообразовательного значения, «представления» А. А. Потебня определял как «внутренний знак значения», «способ», каким обозначено собственное значение слова. По его мнению, представление — «непременная стихия возникающего слова... необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа

или понятий [там же, с. 6—7]. Развивая мысль о ВФ слова, ученый приходит к рассмотрению самого процесса образования новых слов и их отношения: «В последующем слове заключено всегда не предшествующее слово,— а лишь отношение к нему. Если же предыдущее слово исчезло из языка, то тем самым исчезло и отношение к нему последующего» [там же, с. 6]. Отсюда мысль о необходимости использования ВФ в теории словообразования.

Понятие ВФ особенно актуализируется на современном этапе в связи с развитием словообразования как науки, с формированием ее системы терминов и понятий, в частности, с постепенным углублением представлений о словообразовательном значении, мотивации и т. п., и с развитием лексикографии, с уточнением и углублением представлений о механизме номинативной деятельности, стремлением лексикографов не механически, а творчески реализовать в практике достижения лексикологии, семасиологии, словообразования.

В современном языкознании нет единого взгляда на понятие ВФ: одни лингвисты подчеркивают факт существования в слове двух форм — внешней (звуковой) и внутренней, выступающей как представление, символ, который служит связующим звеном между звуковым составом слова и его значением, другие отказываются признать лингвистический статус ВФ. Это привело к нагромождению различных терминов и понятий, претендующих на роль «более подходящих аналогов внутренней формы (ср.: «буквальное значение», «этимологическая структура», «деривационное значение», «словообразовательное значение», «мотивация», «мотивировочный признак» и т. д.)» [6, с. 11]. Только в «Словаре лингвистических терминов» даются два синонима ВФ — «символическая ценность» и «смысловая структура» [1]. В энциклопедии «Русский язык» этот термин определяется так: «Внутренняя форма слова — характер связи звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка: способ мотивировки (разрядка моя.— Л. Х.) значения в данном слове» [13, с. 43]. Как видим, в определении делается акцент на способ мотивировки как на ведущий, отличительный признак номинации.

Тесно связывает понятие ВФ слова с понятием мотивировки Ю. С. Маслов: «Составной частью внутреннего содержания многих... слов является так называемая мотивировка — заключенное в слове и осознаваемое говорящими «обоснование» звукового облика этого слова — указание на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [8, с. 135]. И далее: «Мотивировка есть как бы способ изображения данного значения в слове, более или менее наглядный «образ» этого значения, можно сказать — сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело

место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова...» [там же, с. 138]. Отмечая отождествление мотивировки с внутренней формой слова, Ю. С. Маслов подчеркивает семантическую значимость мотивировки: «...мотивировку иногда называют внутренней формой слова... Представляется все же более правильным не называть мотивировку «формой», хотя бы и «внутренней», а включать ее в состав содержания слова в качестве необязательного, но возможного компонента, связанного так или иначе с концептуальным ядром лексического значения, а также с эмоциональными и иными коннотациями» [там же].

Б. А. Плотников во ВФ слова видит связь с действительностью через мотивирующие признаки: «Под внутренней формой понимается мотивированный признак, положенный в основу названия предмета, явления. ...Обычно такими являются те признаки, которые бросаются в глаза или лежат на поверхности... выполняют важную для человека функцию, занимают определенное место в пространстве или во времени или среди других предметов, имеют ту или иную социальную значимость и т. д.» [10, с. 15].

Сравнение приведенных определений ВФ слова позволяет выявить общее — внимание исследователей акцентируется на связи звучания слова с его значением и способе мотивировки, положенной в основу номинации. Анализ определений ВФ дает возможность постулировать тесную связь словообразования с теорией номинации и речевой деятельностью человека.

В современном языкознании сущность процесса номинации определяется гносеолого-семантическим аспектом, рассматривающим ее как «процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт» [18, с. 13]. Вместе с тем отметим, что вся структура плана содержания языка основывается на отражательных свойствах языка и сознания, логическом мышлении человека, чувственном восприятии им внешнего мира, а также на способах видения и членения внешней действительности сознанием с помощью языка (Б. А. Плотников).

Итак, «чувственное восприятие дает предмет, разум — название для него... Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающейся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» [17, с. 74]. Не случайно В. Г. Гак, вскрывая характер наименования, подчеркивает, что ВФ — это образ, который лег в основу наименования. Выяснение же признака (образа) номинации возможно, как справедливо отмечает академик В. В. Виноградов, лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в кон-

тексте которого возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов [3].

ВФ рассматривается нами как реально существующее и фактически неизбежное синхронно-диахронное явление. В первичных номинациях она может соотноситься с этимоном, а на уровне вторичных номинаций переосмысливаемое значение содержит ВФ наименования нового объекта.

ВФ может быть ясно воспринимаемой, мотивирующей семантическую (словообразовательную) связь с образующей основой. Ср. *подорожник* — «сорная трава, растущая обычно по дорогам, т. е. придорожная»; *домик* — «маленький дом»; *дождливый* — «сопровождается частыми дождями» и т. п. А. А. Потебня писал, что «в ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [12, с. 115].

В процессе функционирования слова в языке мотивирующий признак, положенный в основу номинации, может поблекнуть, стать затемненным, а иногда, в процессе исторического развития, под воздействием разнообразных изменений, может окончательно утратить связь с первоначальной этимологией слова, т. е. быть «стертым». Для аргументации используется сравнительно-исторический метод. Хрестоматийным примером такого рода является сравнение общеславянского по происхождению слово *дятел* (др. -рус. дАТЬль), образованное от глагола *долбить*, с наименованием этой птицы в русских диалектах *долбила* (сиб.), в основе которых лежит характеристика птицы по свойственному ей действию — *долбить*. Этот признак достаточно дистинктивен: для дятла характерно свойство долбить стволы деревьев. Однако отметим, что в первом случае этот признак (ВФ) утрачен полностью: в современном языковом общении он уже не осознается говорящими. Или слово *медведь*, с синхронной точки зрения являющееся немотивированным и имеющее затемненную ВФ, которую можно восстановить только с помощью специального этимологического анализа. *Медведь* (праслав. *medvedь*) — первоначально «поедатель меда» (образовано от существительного *мед* и суффикса *-ед*). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что наряду с признаками броскими, обладающими большой различительной силой, могут быть выбраны малосущественные, маловыразительные признаки, различительная способность которых довольно слаба, и что мотивирующий признак, т. е. ВФ отдельных слов, уже не имеет ничего общего с их значением. Количество таких немотивированных слов в языке, по наблюдениям О. И. Блиновой, очень невелико: соответственно в литературном языке 1 : 4, в лексике диалектов — 1 : 5 [2]. Лексическое значение их в период возникновения соответствовало «формальному понятию», содержащему минимум сведений о предмете, который необходим для его опознания [5].

Значительное количество слов русского языка имеет достаточно прозрачную ВФ. 80 % лексического состава языка принадлежит к мотивированным словам. На одно непроизводное слово приходится более 10 производных (т. е. мотивированных) (А. Н. Тихонов).

Лексическая единица, ВФ которой соответствует ее содержанию, семантически полновеснее и выразительнее, хотя признак, положенный в основу наименования, не исчерпывает всей сущности предмета. Мотивирующий признак (ВФ) ориентирует главным образом только на соответствующее значение. В основу наименования кладется название одного признака, но действительное значение предмета основывается на сумме признаков. Ср. *голец* — «небольшая пресноводная рыба сем. карповых, с тонкой кожей без чешуи»; *стенолаз* — «птица отряда воробьиных горных районов Европы и Азии, обладающая способностью лазать по отвесным скалам» [16]. Нельзя не признать, что знания о предмете, которые человек приобретает в результате жизненного опыта, богаче по сравнению с признаком, выбранным для номинации². Человек изучает и познает предметы действительности, ибо возникновение наименований предметов и явлений нельзя представить вне человеческого опыта: «Прежде чем дать наименование какому-либо предмету, необходимо сначала знать то, что ты собираешься назвать» [14, с. 16].

В процессе познания мира животных сложился комплекс признаков, с помощью которых можно отличить данную лексико-семантическую группу слов от других. Это такие признаки, как систематика животных (класс, отряд, семейство, род, вид), параметры (вес, сила, размер), цвет (окраска), питание, место обитания и ареал распространения, характерное действие, характерный внешний признак (сюда относим и сходство с какими-либо реалиями, предметами, ставшими отличительными признаками внешности), голос (крик, звук), образ жизни (колониями, в одиночку и т. п.), подобие, сходство с другими животными, строение тела, активность животного, возраст, эмбриональное развитие, оценка полезности (промысловое, хищное, полезное и т. п.), содержание животного, характерные признаки передвижения и др.

В основе номинации мотивированных названий животных лежит отличительный признак (ВФ). Выбор одного из отличительных признаков для наименования является типичным языковым приемом. Этот способ представления значения слова. Бабочка названа *крапивницей* в соответствии с местом обитания (живет на крапиве), *красноперкой* назвали рыбу по наличию у нее красных плавников (как бы перьев), а птицу назвали *пискулькой* по издаваемому пискливому крику.

² См. об этом [18, с. 147—187].

Важнейшей особенностью номинации зоонимов является называние животных по характерному для них признаку. В основу номинации зоонимов положено 12 отличительных признаков. Отсюда номинация животных нами представлена набором 12 семантических моделей (первые 6 из них являются достаточно регулярными):

1) цвет (окраска): *млекопитающие* — белуха, беляк, синяк, пеструшка; *птицы* — сизяк, зеленушка, синица; *рыбы* — зеленушка, красноперка, белорыбица, пеструшка; *насекомые* — огневка, белянка, бронзовка, лимонница, пестряки; *пресмыкающиеся* — желтопузик, желтобрюх; *моллюски* — багрянка. Например: *лимонница* — «бабочка лимонно-желтого или зеленовато-белого цвета»; *белорыбица* — «ценная промысловая рыба сем. лососевых, с серебристым телом и белым брюхом»;

2) питание: *млекопитающие* — муравейник, муравьед, барденник; *птицы* — мухоловка, кедровка, коноплянка, перепелятник, стервятник; *насекомые* — брюквенница, капустница, грибоед; *рыбы* — утятница. Например: *муравейник* — «небольшой черный медведь, питающийся ягодами и муравьями»; *утятница* — «большая щука, способная глотать утят»; *грибоед* — «жук, питающийся грибами» [17];

3) характерные действия: *млекопитающие* — грызун, кусака, скакун, ищейка; *птицы* — плавунчик, слеток, вертун, наседка, несушка; *рыбы* — вьюн, прилипала, брызгун; *насекомые* — переносчик, обдирала, пилительщик, плавунец; *черви* — сосальщик, пиявка; *моллюски* — древоточец. Например: *прилипала* — «морская рыба, имеющая присоску на голове, при помощи которой она прикрепляется, прилипает к другим рыбам, пользуясь их энергией для передвижения»; *несушка* — «курица, несущая яйца»; *ищейка* — «служебная собака с острым чутьем, отыскивающая по следу» [17];

4) характерный внешний признак: *млекопитающие* — ушан, носач, полосатик, трубконос, звездорыл; *птицы* — широконосок, мохнатка, серпоклюв, лопатонос, лирохвост; *рыбы* — голец, колюшка, зубатка, игла-рыба, меч-рыба, клювонос; *насекомые* — головач, крестовик, гладыш; *пресмыкающиеся* — щитомордник; *ракообразные* — щитни. Например: *меч-рыба* — «большая морская рыба отряда окунеобразных с длинной, похожей на меч, верхней челюстью»; *мохнатка* — «птица, имеющая на ногах большие мохны с мохнатыми ногами» [там же];

5) голос (крик, звук): *млекопитающие* — пищуха, ревун; *птицы* — пискулька, кликун, шипун; *насекомые* — щелкун; *земноводные* — квакушка; *рептилии* — гремучая змея. Например: *пискулька* — «птица сем. утиных, издающая протяжный пискливый крик»; *ревун* — «широконосная обезьяна, живущая в лесах Южной и Центральной Аме-

рики, отличающаяся длинным, чрезвычайно цепким хвостом и очень громким голосом»; *щелкун* — «жук, издающий характерный щелкающий звук при переворачивании его со спины на брюшко» [16].

6) место обитания: *млекопитающие* — *степняк*; *птицы* — *камышовка*, *рисовка*, *ржанка*; *рыбы* — *песчанка*; *насекомые* — *крапивница*, *накожник*. Например: *камышовка* — «певчая птица отряда воробьиных, обитающая в камышах и прибрежных кустарниках»; *крапивница* — «пестрая дневная бабочка, гусеницы которой живут на крапиве» [там же];

7) возраст. Указание на возраст животного может осуществляться не только прямо через количественный показатель: *одногодок*, *первогодок*, *двухлеток*, *трехлеток*, *третьяк*, но и опосредованно, путем названия возрастных признаков (время рождения, характер питания, хозяйственное назначение и т. п.); *сосун*, *стригун*, *недопесок*, *подтелок*, *подсвинок*, *подъездок*, *подсосок*, *подлисок*. Например: *третьяк* — «жеребенок или теленок на третьем году»; *сосун* — «детеныш млекопитающего животного (главным образом лошади), сосущий матку»; *подъездок* — «молодая, едва объезженная верховая лошадь»; *подсвинок* — «поросенок в возрасте от 4 до 10 месяцев» [17]. В словарях зафиксированы и собирательные существительные со значением наименования животного по возрасту: *детва* — «личинки пчел, а также молодые пчелы»; *молодь* — «молодые рыбы, а также вообще молодые животные, еще не достигшие нормальной величины»; *молодняк* — «молодые животные, птицы»; *сеголетки* (ед. *сеголеток*) — «молодняк (рыбы, звери) текущего года» [9];

8) подобие, сходство с другими животными: *птицы* — *подорлик*; *рыбы* — *подлещик*, *подъязок*. Например: *подлещик* — «речная рыба сходная с лещом, а также лещ небольших размеров» [16];

9) строение тела: *млекопитающие* — *полорогие*; *рыбы* — *четырежаберные*; *насекомые* — *многоножки*, *членистоногие*; *черви* — *двуустка*; *земноводные* — *хвостатые*; *моллюски* — *осьминог*. Например: *полорогие* — «сем. млекопитающих с полыми рогами» [там же];

10) активность животного: *млекопитающие* — *сумеречник*; *насекомые* — *ночница*, *веснянка*. Например: *ночница* — «бабочка, летающая ночью» [17].

11) место размножения: *насекомые* — *плодожил*, *яйцеед*. Например: *яйцеед* — «паразитическое насекомое, оплодотворяющее свои яйца в яйцах других насекомых» [16];

12) запах: *земноводные* — *чесночница*. Например: *чесночница* — «род лягушек, издающий слабый запах чеснока и имеющих очень крупных головастика» [15].

С целью наиболее наглядного представления, какие мотивирующие признаки кладутся в основу наименования зоонимов

Мотивирующие признаки	Классы животных								
	млекопит.	птицы	рыбы	насеком.	рептилии	земнов.	черви	моллюски	ракообр.
Цвет (окраска)	+	+	+	+	+			+	
Характерное питание	+	+	+	+					
Характерное действие	+	+	+	+			+	+	
Характерный внешний признак	+	+	+	+	+		+		+
Издаваемые крики, звуки (голос)	+	+		+	+	+			
Место обитания	+	+	+	+					
Возраст	+	+	+	+					
Подобие, сходство с другими животными		+	+						
Строение тела	+		+	+		+	+	+	
Активность животного	+			+					
Место размножения				+					
Запах						+			
ИТОГО	9	8	8	10	3	3	3	3	1

каждой родовидовой общности (млекопитающие, птицы, рыбы и т. д.), предлагается таблица с указанием типов признаков.

При описании зоонимической лексики в словаре используется более 20 признаков, характеризующих животных, но в основу номинации положено значительно меньше — 12. Самой низкой частотностью обладают признаки, характеризующие животных по подобию, сходству с другими животными, месту размножения, активности. И лишь в единственном случае в основу номинации положен признак «запах». Небезынтересными являются наблюдения над реализацией тех или иных признаков в наименовании животных каждой родовидовой общности. Словарный материал показывает, что использование их не одинаково. Так, при номинации млекопитающих чаще используется какой-либо характерный внешний признак, признаки по действию, по цвету (окраске), при номинации птиц — характерный внешний признак, а также признаки, связанные с питанием и местом обитания. Название рыб осуществляется преимущественно с использованием таких признаков, как цвет (окраска), характерный внешний признак, который в большей части базиру-

ется на сходство рыб с какими-либо реалиями (предметами), в то время как в основу номинации значительного числа насекомых положены такие признаки, как цвет (окраска), питание, место обитания. В целом, ведущими среди мотивирующих признаков в номинации животных являются характерный внешний признак, цвет и место обитания.

Анализ явления мотивированности позволяет заключить, что ВФ является ключом к семантическому прочтению слова. ВФ — это намек или просто своеобразная метка на определенное содержание. Само возникновение и функционирование мотивированных слов связано с тем, что носители языка стремятся конкретизировать понятия, осмыслить признаки, которые лежат в основе номинации явлений, опереться на них в словоупотреблении. Они предпочитают слова понятные, объяснимые, раскрывающие сущность явления. А если это так, то при определении лексического значения ссыла на ВФ (реконструкция ее) желательна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. *Блинова О. И.* Проблемы диалектной лексикологии: Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1974.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
4. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965.
6. *Кияк Т. Р.* Мотивированность лексических единиц. Львов, 1988.
7. *Ленин В. И.* Конспект книги Фейербаха «Изложение, анализ и критика философии Лейбница» // Полн. собр. соч. Т. 29.
8. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1976.
9. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1989.
10. *Плотников Б. А.* О форме и содержании в языке. Минск, 1989.
11. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
12. *Он же.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
13. *Русский язык: Энциклопедия.* М., 1979.
14. *Серебренников Б. А.* К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально?) // Современный литературный язык. 1977. Т. 36. № 1.
15. *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова.* М., 1935—1940.
16. *Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988.*
17. *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950—1965.*
18. *Языковая номинация: Общие вопросы.* М., 1977.